

Г.В. ВЕРДИЯН,
кандидат юридических наук,
доцент
Российской правовой академии
Минюста России

G.V. VERDIJAN,
the candidate of jurisprudence,
the senior lecturer
of the Russian legal academy
of Ministry of justice
of Russia

ТЕОРИЯ
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

INTEGRITY THEORY
IN MODERN CIVIL LAW

В современном гражданском праве понятие добросовестности исследуется, как правило, в связи с рассмотрением отдельных гражданских правоотношений. существует ряд гражданских правоотношений, где значение добросовестности не исследовалось должным образом, например, в обязательствах, вследствие неосновательного обогащения, или в отношениях по признанию сделок недействительными.

Ключевые слова: добросовестность, принцип гражданского права, справедливость, разумность, гражданский кодекс, добросовестный приобретатель, владение, собственность.

In modern civil law the concept of conscientiousness is investigated, as a rule, in connection with consideration of separate civil legal relationship. There is a number of civil legal relationship where value of conscientiousness wasn't investigated properly, for example, in obligations, owing to superficial enrichment, or in relations by a recognition of transactions void.

Keywords: conscientiousness, a civil law principle, justice, a rationality, the civil code, the diligent purchaser, possession, the property.

В современном гражданском праве понятие добросовестности исследуется, как правило, в связи с рассмотрением отдельных гражданских правоотношений. Так, добросовестность рассматривается как один из пределов осуществления гражданских прав; в связи с исследованием принципов гражданского права (при этом в литературе до сих пор нет единства мнений относительно существования самостоятельного принципа добросовестности); в части рассмотрения условий удовлетворения виндикационных требований и возможности приобретения права собственности добросовестным приобретателем; в давностном владении. Кроме того, существует ряд гражданских правоотношений, где значение добросовестности не исследовалось должным образом, например, в обязательствах, вследствие неосновательного обогащения, или в отношениях по признанию сделок недействительными. Такое многообразие проявления категории добросовестности требует систематизации знаний о ней, а также определения практического значения данной категории в гражданских правоотношениях.¹

Помимо этого, исследуемая категория не рассматривалась комплексно, с учетом двойственности ее содержания в гражданском праве, т.е. как принцип добросовестности в объективном смысле и как незнание

субъекта о противоправности своего поведения, что характеризует категорию «добросовестность» в субъективном смысле.

В российском гражданском законодательстве есть целый ряд норм, где законодатель специально указывает на ничтожность условий договора, противоречащих принципу добросовестности. Как правило, речь идет о тех сделках, где существует высокая вероятность ущемления интересов одной из сторон. Так, например, ничтожно условие договора постоянной ренты об отказе плательщика постоянной ренты от права на ее выкуп (п. 3 ст. 592 ГК РФ); ничтожен отказ участника товарищества от права знакомиться со всей документацией по ведению дел товарищества (п. 3 ст. 71 ГК РФ); ничтожно соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ); ничтожно условие договора об отказе гражданина от права на получение вклада по первому требованию (п. 2 ст. 837 ГК РФ) и т.д.

Есть также нормы, которые позволяют изменить или расторгнуть договор, устанавливающий явное несоответствие положения сторон договора. Например, можно изменить или расторгнуть договор присоединения, если он не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает присоединившуюся сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие, явно обременительные для присоединившейся

¹ См.: Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.

стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора (п.2 ст. 428 ГК РФ). Кроме того, считаем, что ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки, явно несоразмерной последствиям нарушения обязательства, также защищает должников от недобросовестных действий кредиторов.

Так, например, между Кузбассоцбанком и фирмой «Арткос» был заключен договор на предоставление заемщику кредитной линии в сумме 300 млн. рублей под 150 % годовых. При нарушении срока возврата кредита размер процентов составляет 300 % годовых. В связи с нарушением заемщиком срока возврата кредита Кузбассоцбанк обратился с иском к поручителю о взыскании суммы долга, процентов и повышенных процентов.

Исковые требования удовлетворены, апелляционная и кассационная инстанции решение не изменили. Президиум ВАС РФ удовлетворил протест об отмене указанных судебных актов, т. к. повышенные проценты, по сути, являются мерой ответственности заемщика за невозврат кредита в срок. Подлежащие уплате повышенные проценты явно несоразмерны последствиям нарушения обязательства, в связи с чем судебным инстанциям следовало применить ст. 333 ГК РФ и снизить их размер при удовлетворении исковых требований. Более того, установление в кредитном договоре необоснованно завышенных процентов (300% годовых) при невозврате кредита в

срок, по существу, является злоупотреблением правом, т. к. потери банка полностью покрываются ставкой обычных процентов (150% годовых).

При таких обстоятельствах Президиум ВАС РФ посчитал возможным применить ст. 10 ГК РФ и оставить к взысканию с поручителя только проценты по ставке 150% годовых за пользование кредитом, а во взыскании остальной части процентов отказать².

Представляется целесообразным защищать не только слабую сторону в каждой конкретной сделке, но и установить общее правило о недействительности сделки (условия сделки), не отвечающей требованиям добросовестности, тем более, что, благодаря принципу свободы договора, можно заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные законодательством. Соответственно путем установления конкретных запретов невозможно защитить стороны от недобросовестности контрагентов, т.к. закон не содержит всего перечня договоров, в которых могут возникнуть недобросовестные условия. В случае же установления такого способа защиты права, как признание недействительной сделки, противоречащей принципу добросовестности стороны, будут с большим вниманием и заботой формулировать условия договоров, стараться исключить такие условия, которые могут поставить одну из сторон в

---

²Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 декабря 1997 г. № 964/97 // СПС «Гарант».

слишком невыгодное положение по сравнению со своим положением.

Например, может сложиться такая ситуация, когда одна из сторон не знает о каких-либо обстоятельствах, а другая сторона может недобросовестно воспользоваться этим незнанием. Таким образом, признание недействительными недобросовестных условий договора, может защитить не знающую сторону от недобросовестного контрагента. Недобросовестность условия договора будет проще доказать, чем доказывать наличие умышленного введения в заблуждение контрагента (обмана), т. к. недобросовестные действия – это не только умысел, но и всякое виновное поведение.

В связи с этим, полагаем, что принцип добросовестности выступает как один из способов ограничения действия принципа свободы договора. Думается, что можно выделить целую группу сделок недействительных, в связи с их противоречием принципу добросовестности. В эту группу можно отнести все сделки, где присутствует недобросовестность одной из сторон по сделке:

- кабальные сделки,
- сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия или угрозы,
- сделки, совершенные с выходом за пределы ограничения полномочий, когда другая сторона знает или должна была знать о выходе за пределы ограничений полномочий и т.д.

Данная группа недействительных сделок выделяется по субъективному критерию. В таких сделках одна из сторон или стороны сделки знают, что, совершая такую сделку,

могут быть нарушены права и интересы другой стороны по сделке либо интересы третьих лиц, и пользуются этим знанием. Так, например, недействительным будет договор страхования, если после его заключения будет установлено, что страхователь сообщил заведомо ложные сведения, имеющие значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (п. 3 ст. 944 ГК РФ). В этом случае недобросовестное поведение страхователя, т.е. не соответствующее принципу добросовестности, может вызвать убытки у страховщика, о возможности наступления которых он не предупрежден при заключении договора страхования.

Так, решением первой судебной инстанции в удовлетворении исковых требований о признании кредитных договоров недействительными на основании ст. 174 ГК РФ кредитных договоров, заключенных между Соцкомбанком и обществом с ограниченной ответственностью «Юнгур», было отказано.

Апелляционная инстанция признала кредитные договоры недействительными. Кассационная инстанция решила оставить в силе решение первой инстанции. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ удовлетворил протест об отмене постановления суда кассационной инстанции и оставил в силе постановление апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Кредитные договоры заключены от имени Соцкомбанка первым заместителем председателя правле-

ния Кисленко А.В. Все последующие изменения к кредитным договорам, касающиеся сроков возврата кредитов и процентов за пользование кредитами, подписаны председателем правления банка – Кузнецовым А.В. Согласно уставу банка, вопросы кредитования отнесены к компетенции правления банка. Правлением банка и советом банка решений о выдаче кредитов ООО «Юнгур» не принималось.

Однако на момент заключения договоров Пономарчук А.А. исполнял обязанности заместителя председателя правления банка и одновременно являлся единственным учредителем и директором ООО «Юнгур». При изложенных обстоятельствах лица, подписавшие кредитные договоры, вышли за пределы установленных для них ограничений учредительными документами, другая сторона в сделках знала об этом, в связи с чем выводы апелляции инстанции о недействительности кредитных договоров, применении последствий недействительности названных сделок являются правильными³.

Мнимая и притворная сделки также могут быть отнесены к этой группе сделок, хотя, как правило, такие сделки не нарушают прав сторон по сделке, однако, они могут нарушить права третьих лиц. Например, дарение доли в общей долевой собственности, прикрывающего покупку указанной доли, с целью нару-

шения права преимущественной покупки отчуждаемой доли других собственников. Но к таким сделкам не относятся сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности, поскольку отличительной чертой сделок, противоречащих принципу добросовестности, является нарушение в первую очередь частных интересов конкретных лиц, а не интересов общества в целом.

Например, И.А. Покровский, называя такие договоры (сделки) «эксплуаторскими» или «ростовщическими», достаточно глубоко анализирует их юридическую структуру. В результате он выделяет два признака таких недействительных сделок: во-первых, должно быть в лице контрагента намерение воспользоваться слабостью другой стороны (субъективный признак), а во-вторых, необходимо, чтобы несоответствие между взаимными обязанностями контрагентов было явным (объективный признак). В результате он не рекомендовал вводить норму о таких недействительных сделках в российское законодательство, т.к. считал, что на судью, таким образом, возлагают тяжелое бремя: контролировать гражданский оборот, разграничивая случаи нормальной конкуренции и случаи «недозволенной эксплуатации». В основном, рассматривая эти сделки как защищающие «экономически слабых», выступающие против ростовщичества, он обращал внимание на экономическую необходимость кредитования, а введение таких сделок поставит его под угрозу.

---

³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.04.99 г. № 329/99 // СПС «Гарант».

Полагаем, что введение нормы о недобросовестных сделках не должно отрицательно повлиять на экономику, потому что признавать сделку недобросовестной будет сложно. Думается, что наличие субъективного признака (намерение воспользоваться слабостью другой стороны) должно быть доказано в каждой недобросовестной сделке, поскольку в данной ситуации будет действовать презумпция добросовестности, а не виновности, и только после этого сделку необходимо будет признавать недобросовестной. В связи с этим представляется, что недобросовестная сделка будет относиться к оспоримым недействительным сделкам.

Примерно такие же признаки недобросовестных сделок обозначил И.Б. Новицкий, выделяя два условия для признания сделки недействительной:

а) чрезмерная невыгодность договора для одного из контрагентов (объективный признак),

б) намерение одной стороны воспользоваться нуждой или несчастьем другого человека (субъективный признак)⁴.

И.Б. Новицкий, наоборот, высказывался в пользу введения правила о недействительности недобросовестных сделок, не боясь при этом возложить на судью обязанность по оценке каждой отдельной ситуации, т. к. это является его обязанностью.

---

⁴ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 82.

Также он указывал на положительный опыт использования соответствующих правил в других странах⁵.

И.А. Покровский полагал, что использование категории добросовестности, являющейся оценочной для признания сделки недействительной, нежелательно, т.к. это даст простор судейскому произволу в ходе разбирательства споров. С другой стороны, считает С.А. Краснова, такое ограниченное использование категории добросовестности, т.е. только для толкования содержания сделок, может также привести к двум негативным последствиям: во-первых, в случае возникновения спора конкретное содержание добросовестности применительно к данной сделке будет также определяться судом, а, во-вторых, явная недобросовестность одной из сторон при заключении сделки и «непринятие данного факта во внимание только из-за боязни судейского произвола может оказаться большим злом, чем неправильная или произвольная оценка судьей данного факта»⁶.

Таким образом, к наиболее важным функциям принципа добросовестности следует отнести выступление его в качестве оценочного критерия поведения участников гражданско-правовых сделок, а также в качестве одного из источников права, необходимого для выяснения

---

⁵ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. С. 270.

⁶ Краснова С. А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 64.

содержания отношений между субъектами гражданского права.⁷

Ряд ученых не выделяют понятие «добросовестность» в субъективном и объективном смысле. Например, А.В. Фомина считает, что в ст.ст. 302, 303 ГК РФ речь идет о принципе добросовестности, а не о добросовестности в субъективном смысле, т.е. как о незнании субъекта о каких-то обстоятельствах⁸.

Относительно определения добросовестности как объективной категории также нет однозначного вывода. По мнению Шнейдера, рассмотрение принципа доброй совести посредством привлечения общих этических соображений является ошибочным. Соотношение права и справедливости, считает он, не зависит от введения в норму права ссылки на добрую совесть. Этим, подчеркивает он, норме придается лишь большая гибкость, а не возможность разрешения дела в соответствии с этическими требованиями. Добрую совесть он рассматривает, прежде всего, как принцип верности и уважения договору, соблюдения данного слова.

Например, Л.В. Щенникова определяет добросовестность как уважение и верность принятому обязательству, собственная честность и доверие к чужой честности. Некоторые исследователи рассматривают добросовестность как некое объективное мерилло, социальный идеал,

⁷ См.: Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.

⁸ Фомина А. В. Указ. статья. С. 92.

позволяющий в каждом случае судье определить, что является правильным⁹.

С другой стороны, добросовестность часто рассматривается как извинительное заблуждение, в такой ситуации речь скорее идет о добросовестности в субъективном смысле, поскольку заблуждение складывается в сознании субъекта и рассматривать здесь добросовестность как требование или принцип, т. е. в объективном смысле, неуместно.

В отношении определения добросовестности как субъективной категории, так же как и в случае определения добросовестности в объективном смысле, цивилисты не могут достичь согласия. Первые определяют добросовестность как субъективную сторону поведения (деятельности) участников гражданских правоотношений¹⁰. Именно по поведению субъекта, можно, по мнению Л.А. Зеленской, понять его отношение к сво-

⁹ Stammer, Steinbach, Endemann, Schneider (См.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 60-63).

¹⁰ См.: Богданов Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция, 1999. № 9. С. 14.; Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 66.; Гараймович Д.А. Оценочные понятия в современном гражданском праве // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Статут, 2001. С. 139; Шагова В.В. Титульное владение по российскому гражданскому праву: Дис... к.ю.н. М., 2002. С. 41.

им действиям и их последствиям, по сути, ведется речь о понятии вины в гражданском праве, и конкретно об одной из характеристик, определяющих содержание интеллектуального момента¹¹.

Мы разделяем позицию тех, которые утверждают, что добросовестность характеризует субъекта права в конкретных обстоятельствах, а не его поведение, хотя, именно по анализу поведения субъекта мы сможем установить отношение субъекта к той или иной ситуации, его добросовестность или недобросовестность. Как отмечают Г.Н. Полянская и Р.Д. Сапир, «общий признак субъективного – то, что оно непосредственно зависит от субъекта – человека. Поэтому, субъективное включает в себя также активную реакцию субъекта на объективно реальные отношения, соответствующую его понятиям об этих отношениях, и деятельность, направленную на изменение и усовершенствование последних»¹².

Следовательно, ключевым является отношение субъекта к данному явлению, а его реакция и поведение являются лишь составляющим, выявляющим отношение субъекта к чему-либо. Относительно этого полагаем, что добросовестность рассматривается как незнание о каких-либо

обстоятельствах, т.е. речь все же идет о внутренних, психологических процессах субъекта, и только сложившееся отношение субъекта к конкретной ситуации влияет на его поведение.

Таким образом, это та категория, которая характеризует именно субъекта в конкретных правоотношениях, а не его действия, поведение. Тем более, что закон сам говорит о добросовестности субъектов, а категорию «разумности» относит к действиям: «...разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются» (п. 3 ст. 10 ГК РФ); добросовестный приобретатель (ст. 302 ГК РФ). Если же нормы используют категорию добросовестности по отношению к действиям, например, добросовестное владение (ст. 234 ГК РФ), добросовестные действия стороны в условной сделке (ст. 157 ГК РФ), недобросовестные действия лица, осуществившего переработку (ст. 220 ГК РФ), то в этом случае речь идет об их деятельности, соответственно о принципе добросовестности.

Добросовестность как внутреннее убеждение лица не может быть предметом доказывания в суде, и только на основании внешних факторов можно заключить о его добросовестности и недобросовестности¹³ (т. е. на основе оценки поведения субъекта). Это замечание Г.О. Дормидонтова показывает, что он говорит о добросовестности как о субъективной категории. Р.А. Каламкарян так-

¹¹ См.: *Зеленская Л.А.* Институт приобретательной давности в гражданском праве: Дис... к.ю.н. Краснодар, 2002. С. 80.

¹² *Полянская Г. Н., Сапир Р. Д.* Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве // *Правоведение.* 1972. № 4. С. 101.

¹³ См.: *Дормидонтов Г. О.* Система римского права. Вещное право. С. 129.

же считает, что добросовестность можно установить только в случае ее проявления в объективных фактах. Но это не значит, что речь идет об объективной категории. В этом случае объективные факты необходимы для выявления субъективного отношения субъекта к своим действиям и наступившим после них последствиям.

Кроме того, добросовестность в субъективном смысле определяют как с отрицательной, так и с положительной стороны. С отрицательной стороны ее рассматривают как *отсутствие сознания* неправомерности, каковы бы ни были причины этого отсутствия. Так, например К.Ф. Чиларж считает добросовестным спецификанта, если он не знает о том, что он перерабатывает чужой материал¹⁴. Однако это определение упускает то обстоятельство, что добросовестности не будет, если сознание неправомерности сложилось не из-за извинительного заблуждения. Добросовестность с положительной стороны определяют как *уверенность лица в том, что он не совершает материальной несправедливости*, например, присваивая себе вещь (курсив наш – Г.В.). К примеру, Ч. Санфилиппо и Д.И. Азаревич также рассматривают добросовестность, как убеждение лица в том, что он не нарушает чужие права¹⁵. Их поддерживает В. М.

Хвостов, утверждая, что для наличия добросовестности требуется убеждение в отсутствии несправедливости.

Полагаем, что определения с положительной стороны являются не совсем удачными, поскольку для достижения такой убежденности на приобретателя возлагалась бы обязанность в каждом случае проверять отсутствие каких-либо препятствий для приобретения вещи, что значительно осложнило бы совершение сделок по приобретению или отчуждению имущества.

Сравнивая вышеуказанные определения, Ю. Барон определял добросовестность как основанное на извинительном заблуждении *незнание материальных обстоятельств, препятствующих приобретению права*¹⁶ (курсив наш – Г.В.). Также и Г.О. Дормидонтов определял добросовестность как незнание приобретателя о тех обстоятельствах, которые делают его незаконным владельцем¹⁷. Из этих определений следует, что добросовестным будет тот, кто не знает о действительных препятствиях для приобретения права, однако, может верить в существование мнимого препятствия для приобретения права. Например, приобретатель будет добросовестным, если он покупает вещь у недееспособного лица, не зная об этом обстоятельстве, но подозревая, что приобретаемая вещь краденая.

¹⁴ Чиларж К.Ф. Учебник Институций римского права / пер. О.К. Гавеман, С. 119.

¹⁵ Санфилиппо Чезаре. Курс римского частного права. Учебник / Под ред. Д.В. Дождева. С.177.; Азаревич Д. И. Указ. соч. С.397.

¹⁶ Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн.5. Изд. 3-е., С. 70.

¹⁷ Дормидонтов Г.О. Система римского права. Вещное право. С. 129.

Л.В. Попович определяет добросовестность как уверенность, убеждение лица в законном и честном приобретении права собственности, хотя и ошибочно основанное на незнании обстоятельств, препятствующих приобретению права собственности¹⁸. В данное определение он вводит и «убеждение в своей правоте», и «незнание о своей неправоте». Думается, что следует остановиться либо на первом, либо на втором, поскольку оба эти определения являются слишком похожими. Первое определение мы уже подвергли критике, второе определение забывает об извинительной ошибке, значит, второе необходимо дополнить, тем более, что «незнание субъекта о своей неправоте» может быть недобросовестным, если оно основано на извинительной ошибке.

Библиографический список:

1. Stammer, Steinbach, Endemann, Schneider (См.: *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 60-63).
2. *Барон Ю.* Система римского гражданского права. Кн.5. Изд. 3-е., С. 70.
3. *Богданов Е.В.* Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция, 1999. № 9. С. 14.
4. *Гараймович Д.А.* Оценочные понятия в современном гражданском праве //

Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Статут, 2001. С. 139.

5. *Дормидонтов Г.О.* Система римского права. Вещное право. С. 129.
6. *Дроздова Т.Ю.* Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.
7. *Зеленская Л.А.* Институт приобретательной давности в гражданском праве: Дис... к.ю.н. Краснодар, 2002. С. 80.
8. *Краснова С.А.* Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 66.
9. *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 82.
10. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. С. 270.
11. *Полянская Г.Н., Сапир Р.Д.* Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве // Правоведение. 1972. № 4. С. 101.
12. *Попович Л. В.* Оправдание давности и давность владения в древнеримском гражданском праве. С. 59.
13. *Санфилиппо Чезаре.* Курс римского частного права. Учебник / Под ред. Д.В. Дождева. С.177.
14. *Чиладжъ К.Ф.* Учебник Институций римского права / пер. О.К. Гавеман, С. 119.
15. *Шагова В.В.* Титульное владение по российскому гражданскому праву: Дис... к.ю.н. М., 2002. С. 41.

¹⁸ *Попович Л. В.* Оправдание давности и давность владения в древнеримском гражданском праве. С. 59.